

ДОН НИГРО

МАНДЕЛЬШТАМ

Дон Нигро
Мандельштам

«Автор»

2000

Нигро Д.

Мандельштам / Д. Нигро — «Автор», 2000

Дон Нигро «Мандельштам/Mandelstam». Четыре актера (1 женская и 3 мужские роли). Историческая пьеса о последних годах жизни Осипа Мандельштама, одного из самых значимых российских поэтов 20 в. Злополучное стихотворение о Сталине, ссылка, освобождение, повторный арест, смерть в пересыльном лагере, беззаветная любовь жены, видение ситуации Сталиным, заступничество Пастернака. И на этом примере – анализ непростых взаимоотношений творческого человека и власти. Честная, пронзительная пьеса, актуальная во все времена.

© Нигро Д., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Действующие лица	5
Картины	6
Действие первое	7
Картина 1. Голос Бога из темноты	7
Картина 2. Похороны Ленина	10
Картина 3. Секреты	12
Картина 4. Король страны дождей	14
Картина 5. Определение истории	17
Картина 6. Тараканы и черви	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дон Нигро Мандельштам

Действующие лица

ПАСТЕРНАК
СТАЛИН/ДЬЯВОЛ
НАДЕЖДА/ЖЕНА ПАСТЕРНАКА
МАНДЕЛЬШТАМ

Место действия: СССР 1930 гг. и позже. Простая декорация включает письменный стол с телефоном слева для ПАСТЕРНАКА и справа – для СТАЛИНА. Кухонный стол и стулья по центру – для МАНДЕЛЬШТАМОВ. Деревянные парковые скамьи у авансцены слева и справа. За кухней поднятая платформа, к которой ведут ступени справа и слева от стола. На платформе койке, за ней – окно. Круглый деревянный табурет по центру у авансцены.

Картины

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1. Голос Бога из темноты
2. Похороны Ленина
3. Секреты
4. Король страны дождей
5. Определение истории
6. Тараканы и черви
7. Устройство ада по Данте
8. Стук в дверь
9. Виновные среди ворон
10. Допрос
11. Где раки зимуют
12. Открытое окно – приглашение

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

13. Птицы в Чистилище
14. Сон об отвеченном звонке
15. Ода Сталину
16. В доме у Толстых
17. Анна Каренина на железнодорожной платформе
18. Скотный двор
19. Возвращение ночной бабочки «Мертвая голова»
20. Поэт за работой
21. Темнота в кафе «Бродячая собака»
22. Безумный голод стервятников
23. Просто подпиши эту бумагу
24. Перевод «Короля Лира».

Действие первое

Картина 1. Голос Бога из темноты

(В темноте звонит телефон. Пастернак в темноте подходит к столу, включает лампу, создавая круг теплого света, снимает трубку).

ПАСТЕРНАК. Алло?

СТАЛИН *(голос из темноты)*. Алло? Борис?

ПАСТЕРНАК. Да.

СТАЛИН. Это Иосиф.

ПАСТЕРНАК. Какой Иосиф?

СТАЛИН. Твой давний друг, Иосиф.

ПАСТЕРНАК. Не знаю я никакого Иосифа.

СТАЛИН. Ты знаешь меня, Борис. Ты знаешь, кто я. *(Пауза)*. Ну что, Борис, как поживаешь?

ПАСТЕРНАК. Еще не проснулся. Сейчас четыре утра.

СТАЛИН. Правда? Подожди, дай взглянуть на часы. Я сижу здесь и пержу в темноте, как казак. *(СТАЛИН включает лампу, и мы видим, что он сидит за столом в своем круге света)*. Ты прав, Борис. Я потерял ход времени. Старые большевики никогда не спят. Нас может разбудить пес, ссуций в пыль. Это правда. А поэты спят.

ПАСТЕРНАК. В эту ночь, похоже, нет.

СТАЛИН. Понятно. Борис, хочу узнать твое мнение в одном деле.

ПАСТЕРНАК. Вы хотите узнать мое мнение?

СТАЛИН. Да. Насчет твоего друга Мандельштама. *(Пауза)*. Мандельштам – поэт. Я знаю, как вы близки.

ПАСТЕРНАК. На самом деле мы не так и близки.

СТАЛИН. Но вы – соседи, правильно.

ПАСТЕРНАК. Полагаю, вы можете так сказать.

СТАЛИН. Разумеется, могу. Кто меня остановит? Так что ты думаешь о Мандельштаме?

ПАСТЕРНАК. Мандельштам – прекрасный поэт.

СТАЛИН. Да, но что ты о нем думаешь?

ПАСТЕРНАК. Я думаю, он – хороший человек, если вы про это.

СТАЛИН. Рад это слышать, Борис, потому что если честно, у меня есть серьезные сомнения относительно твоего друга Мандельштама. Поэтому я обрадовался, услышав от тебя, что он – хороший человек. Скажи мне, какой он?

ПАСТЕРНАК. Что значит, какой он?

СТАЛИН. В чем его слабости?

ПАСТЕРНАК. Не имею ни малейшего представления.

СТАЛИН. Представление ты имеешь обо всем, Борис. С воображением и пронизательностью у тебя все в порядке. И вы, писатели, знаете слабости друг друга. Прикидываетесь, будто дружите, но в сердце всегда злоба, злоба маленьких зверьков, которые живут в норах. Не волнуйся, Борис. Я сохранию твой секрет. Просто расскажи мне о Мандельштаме.

ПАСТЕРНАК. Я действительно не знаю, что мне о нем рассказывать.

СТАЛИН. Он читал тебе стихотворение, так?

ПАСТЕРНАК. Стихотворение?

СТАЛИН. Разве Мандельштам не читал тебе стихотворение?

ПАСТЕРНАК. Такое наверняка случалось, раз или два, возможно, в компании. Мандельштам мог что-то прочесть. Мы – поэты. Иногда делимся написанным. Обычно – нет.

СТАЛИН. Но это было не просто стихотворение. Это было стихотворение обо мне¹. Ни о чем не говорит?

ПАСТЕРНАК. Многие из нас пишут стихотворения, прославляющие ваши достижения, и...

СТАЛИН. Но в этом конкретном стихотворении сказано, что пальцы у меня толстые, как черви, усы, как у таракана, и я испытываю патологическое наслаждение, убивая людей. Так я слышал, Борис. Читал Мандельштам такое стихотворение?

ПАСТЕРНАК. Я не помню.

СТАЛИН. Ты не помнишь, что Мандельштам назвал мои усы тараканьими?

ПАСТЕРНАК. Поэты используют символы.

СТАЛИН. Так мои усы – символ таракана? Или таракан – символ моих усов? Что здесь символ, Борис? Потому что это большая разница, знаешь ли. Потому что ты не можешь есть символы, Борис, но вполне можешь есть тараканов. И откровенно говоря, Борис, я потрясен тем, что у тебя такая плохая память. Я думал, поэты – что слоны. Едят орехи, срут повсюду и помнят все. Я могу пожать руку человеку, которого встретил тридцатью годами раньше в тбилисском борделе, и спросить, как поживает его однорукий дядя Юра, и что случилось с его маленькой собакой Джеммой, и похвалить красоту родимого пятна, похожего на цветок, на правой ягодице его жены, а ты не помнишь, что сказал Мандельштам про мои усы.

ПАСТЕРНАК. Может, потому, что много людей говорили одновременно?

СТАЛИН. Люди говорили, когда Мандельштам читал стихотворение про мои усы? С их стороны это крайне невежливо. Чего я терпеть не могу, так это грубость. Ты ведь тоже не можешь ее терпеть, Борис?

ПАСТЕРНАК. Да, но вы должны понимать, что...

СТАЛИН. Кто были все эти люди?

ПАСТЕРНАК. Какие люди?

СТАЛИН. Которые говорили разом, когда Мандельштам читал стихотворение о том, что усы у меня как у таракана. Кто они? Их имена и фамилии?

ПАСТЕРНАК. Я не знаю. Может, других людей и не было. Может, мы с Мандельштамом были вдвоем.

СТАЛИН. Послушай, Борис, вот что я тебе скажу. Я люблю писателей. На Западе этого не понимают. Они думают, что искусство – пустая трата времени, хобби для старушек. В Америке они слишком заняты тем, что трахают чужих жен и засовывают деньги себе в зад, поэтому им не до искусства. Но мы с тобой, Борис, понимаем, что к чему. Мы знаем, что все не так просто. Стихи могут западать в душу, а все, что задерживается в душе, опасно. Но искусство принадлежит народу, Борис, и я, как слуга народа, должен приглядывать за искусством, как я приглядываю за историей, потому что история тоже принадлежит народу, Борис, и за всем, что написано, и за всем, что только будет написано. К этой обязанности я отношусь очень серьезно. Поэтому если твой друг Мандельштам пишет ложь насчет моих усов, мой долг – проследить, чтобы такое не поощрялось. Потому что ложь может убивать, Борис. Ты это знаешь. А Мандельштам, этот жалкий маленький уродец, ты думаешь, он знает?

ПАСТЕРНАК. Возможно, вам известно, что Мандельштам в последнее время нездоров, и не может нести полной ответственности...

¹ Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны, А где хватит на полразговорца, – Там припомнят кремлевского горца. Его толстые пальцы, как черви жирны, А слова, как пудовые гири верны. Тараканьи смеются усища, И сияют его голенища. А вокруг его сброд тонкошеих вождей, Он играет услугами полулюдей. Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет, Он один лишь бабачит и тычет. Как подковы кует за указом указ – Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз. Что ни казнь у него, – то малинай широкая грудь осетина.

СТАЛИН. Да, это правда, эти люди не живут слишком долго. У писателей в большинстве своем, здоровье слабое. Разумеется, Лев Толстой прожил долго, но он сожалел об этом. И откровенно говоря, будь я женат на жене Толстого, то пустил бы себе пулю в лоб еще до пятидесяти лет. Может, у Мандельштама такая же жена?

ПАСТЕРНАК. Она очень интеллигентная.

СТАЛИН. У нее красивая грудь?

ПАСТЕРНАК. Я не знаю.

СТАЛИН. Да перестань, Борис. Всем известно, что к женщинам ты равнодушен. Так красивые у жены Мандельштама буфера или нет?

ПАСТЕРНАК. Нет у меня привычки смотреть на грудь жен моих друзей.

СТАЛИН. Ох, Борис, ну ты и шутник. Скажи мне, лучше иметь интеллигентную жену, как у Мандельштама, или глупую, как твоя? Твоя жена глупая, так, Борис?

ПАСТЕРНАК. Моя жена – очаровательная женщина.

СТАЛИН. Да, моя жена тоже была глупой. Жаль, что она умерла. Борис, как ты думаешь, мы окажем Мандельштаму услугу, если отправим в небольшой отпуск с его интеллигентной женой, на грудь которой ты из благородства никогда не заглядывался?

ПАСТЕРНАК. Я думаю, это будет большая потеря для искусства.

СТАЛИН. Нет, если его этот отпуск чему-то научит. Зачастую, это очень важно для человека, чему-то научиться до того, как он умрет. Ты согласен?

ПАСТЕРНАК. Да, но...

СТАЛИН. Ответ неправильный. Если на то пошло, это глупая контрреволюционная болтовня. Позволь сказать тебе, Борис, это не так просто, быть слугой народа. Ты и представить себе не можешь, сколько дерьма мне приходится перелопачивать каждый день. Ты пишешь о том и пишешь об этом, там бабочка, тут восхитительная грудь, но мне постоянно приходится решать вопросы жизни и смерти. Вот я и спрашиваю тебя, как мужчина – поэт, что мне делать?

ПАСТЕРНАК. В вашем распоряжении так много поэтов. Почему вы спрашиваете меня?

СТАЛИН. Потому что, только пусть это останется между нами, остальные – толпа дебильных подхалимов. Они всегда готовы назвать черное белым, а верх – низом. Минск для них столица Франции, они будут совокупляться с мертвой гиппопотамихой, если я им скажу. Но ты – другой, Борис. Твое мнение я уважаю.

ПАСТЕРНАК. Не уверен, заслуживаю ли я такого уважения.

СТАЛИН. Перестань, Борис. Скромность всегда лжива.

ПАСТЕРНАК. В это трудное время поэту непросто заслужить уважение.

СТАЛИН. И это моя вина? *(Пауза)*. Алло?

ПАСТЕРНАК. Нет. Это не ваша вина.

СТАЛИН. Что ж, Борис, так приятно это слышать. На секунду ты заставил меня поволноваться. Так что мне делать с Мандельштамом?

ПАСТЕРНАК. Иной раз, знаете ли, самое лучшее – ничего не делать.

СТАЛИН. Только когда ты мертв.

(Слышится траурный марш, СТАЛИН, оставаясь за столом, уходит в тень, прожектор освещает МАНДЕЛЬШТАМА и НАДЕЖДУ, они за кухонным столом, пьют чай, о чем-то разговаривают, потом встают, идут к центру авансцены, смотрят в невидимое окно. ПАСТЕРНАК кладет трубку и присоединяется к ним).

Картина 2. Похороны Ленина

(МАНДЕЛЬШТАМ, НАДЕЖДА и ПАСТЕРНАК стоят у невидимого окна по центру авансцены и наблюдают за траурной процессией, которая движется по улице).

НАДЕЖДА. Вон его несут.

МАНДЕЛЬШТАМ. Бедный товарищ Ленин.

ПАСТЕРНАК. Великий человек, если подумать.

МАНДЕЛЬШТАМ. Гм-м.

ПАСТЕРНАК. Ты не согласен?

МАНДЕЛЬШТАМ. Гм-м.

ПАСТЕРНАК. Не разбив яиц, омлет не приготовишь.

НАДЕЖДА. Почему одним людям так нужно поклоняться другим?

ПАСТЕРНАК. Надежда, у тебя нет героев?

НАДЕЖДА. Я – женщина. Зачем мне герои? Герои – чушь собачья.

ПАСТЕРНАК. У Мандельштама есть герои.

МАНДЕЛЬШТАМ. Все мои герои – мертвые поэты.

НАДЕЖДА. Надеюсь, ты еще не скоро составишь им компанию.

ПАСТЕРНАК. Нравятся нам некоторые последствия или нет, революция здесь останется, потому что только в обществе, управляемом самими рабочими и...

НАДЕЖДА. Рабочие ничем здесь не управляют. Только дорвавшиеся до власти подонки.

МАНДЕЛЬШТАМ. Надя, придержи язык.

НАДЕЖДА. Но как ты можешь стоять, спокойно наблюдать, как мимо проносят этого патологического убийцу, и слушать Бориса, называющего его великим человеком? Сам Борис в это не верит. Что с ним такое?

МАНДЕЛЬШТАМ. Борис – поэт. В его голове звучит много голосов.

НАДЕЖДА. И несколько масок висят на вешалке для шляп, причем нравятся мне далеко не все.

ПАСТЕРНАК. Сожалею, что разочаровал тебя.

НАДЕЖДА. И я сожалею, что ты разочаровал меня.

ПАСТЕРНАК. У твоего мужа в голове тоже много голосов.

НАДЕЖДА. Да, но не один не несет пургу.

МАНДЕЛЬШТАМ. Некоторые несут. Голоса – они всего лишь голоса. Плохо это или хорошо, но ты можешь лишь слушать голоса и записывать то, что они тебе говорят.

НАДЕЖДА. Именно это и делают твои коллеги по Союзу писателей. Только голоса, которые они слушают, звучат не в головах. Их источник – коллективный анус партии.

МАНДЕЛЬШТАМ. Неужели у тебя нет хоть капли уважения? Умер человек.

НАДЕЖДА. Да. Ты прав. Я слышала, они собираются забальзамировать Ленина и положить в стеклянный выставочный стенд. Идеальный символ революции – забальзамированный труп убийцы под стеклом.

МАНДЕЛЬШТАМ. Может, теперь станет лучше.

НАДЕЖДА. Да, теперь будет Сталин. Потрясающее улучшение. В чем дело, Борис? У тебя такой вид, будто ты на похоронах. Ладно, сегодня похороны, но похороны Ленина. И почему ты такой грустный?

МАНДЕЛЬШТАМ. Причина всегда одна. Его любовная жизнь в руинах.

НАДЕЖДА. Ах, бедный Борис. Всегда играешь покинутого поэта.

ПАСТЕРНАК. В ткань любви вплетена глубокая печаль. Ты видишь женщину в определенный момент времени и любишь ее, но потом осознаешь, что любил не человека, который

сейчас перед тобой, а воспоминание о давно ушедшем мгновении, и вернуться в него ты уже не можешь, да вообще тогда у тебя возникло ложное представление. Это и есть любовь: неправильно истолкованное воспоминание иллюзии.

МАНДЕЛЬШТАМ. Совсем все не так. Это бред.

ПАСТЕРНАК. Да что ты знаешь о любви? Ты женат.

НАДЕЖДА. Премного тебе благодарна.

ПАСТЕРНАК. Я лишь хочу сказать, что у тебя и Осипа все иначе. У вас интеллектуальная общность.

МАНДЕЛЬШТАМ. Ты хочешь сказать, что никогда не любил интеллектуальную женщину?

ПАСТЕРНАК. Только однажды, и это была ужасная ошибка.

МАНДЕЛЬШТАМ. Борис, если и ошибка, то не из-за интеллигентности женщины.

ПАСТЕРНАК. Наоборот, она оказалась достаточно интеллектуальной, чтобы понять, что я для нее нехорош.

НАДЕЖДА. Чтобы это увидеть, особого интеллекта женщине и не нужно.

ПАСТЕРНАК. Когда я в миноре, вы двое всегда поднимаете мне настроение. Понятия не имею, почему. Но вы правы. Мне надо радоваться. Сейчас прекрасное время для жизни.

МАНДЕЛЬШТАМ. Скоро, возможно, наступит прекрасное время для смерти.

НАДЕЖДА. Мы продолжаем надеяться на перемены. В итоге все остается прежним.

ПАСТЕРНАК. Но у нас все другое. До революции было иначе.

НАДЕЖДА. Да. У царя была тайная полиция. Теперь это мерзкие люди, которые постоянно приходят к нам на кухню, прикидываясь, будто они – писатели. Большие поклонники поэзии Осипа, они задают вопросы, а потом спешат доложить ответы своим тараканам-хозяевам. Я с неохотой пришла к заключению, что немалая часть людей, называющих себя писателями, ничем не лучше канализационных стоков. Для них писать – значит предавать. Мой муж не такой писатель, как эти люди.

МАНДЕЛЬШТАМ. Нет. Произведения этих людей публикуют.

НАДЕЖДА. Публикуют, потому что они – идиоты.

ПАСТЕРНАК. Меня тоже публикуют. И какой я, по-вашему, писатель?

НАДЕЖДА. Если ты не знаешь, то скоро выяснишь.

Картина 3. Секреты

(Без паузы зажигается лампа на столе СТАЛИНА. ПАСТЕРНАК остается у авансцены, глядя в невидимое окно, а МАНДЕЛЬШТАМ и НАДЕЖДА идут на кухню, разговаривая между собой, садятся за стол, пьют чай, продолжая разговаривать. Никакой спешки, они еще идут к столу, когда начинается разговор СТАЛИНА и ПАСТЕРНАКА. СТАЛИН по-прежнему говорит в телефонную трубку, Пастернак отвечает, трубки в руке нет, поначалу даже не поворачиваясь к СТАЛИНУ. Тот пьет водку).

СТАЛИН. Борис, ты понимаешь, что я должен уважать мнение любого человека, который называет меня гением². Ты называл меня гением, правильно?

ПАСТЕРНАК. Да, называл.

СТАЛИН. На полном серьезе? Или это чушь?

ПАСТЕРНАК. Разумеется, на полном серьезе.

СТАЛИН. Значит, на полном серьезе, но это все равно чушь. Хочешь узнать секрет, Борис?

ПАСТЕРНАК. Он меня не убьет?

СТАЛИН. Секреты всегда убивают. Как и их хранение. Выдашь секрет – смерть придет снаружи. Сохранишь – изнутри.

ПАСТЕРНАК. Это смерть поэта, который не может писать, боясь последствий.

СТАЛИН. Мой секрет таков. В молодости я писал стихи³. Одно время хотел стать поэтом, как Пушкин. Хотел, клянусь.

ПАСТЕРНАК. Правда? И что случилось?

СТАЛИН. Что случилось? Я повзрослел, вот что случилось.

ПАСТЕРНАК. Вот в чем, значит, разница между вами и мной.

СТАЛИН. А кроме того, кто-то застрелил Пушкина. Так кому больше повезло, Борис? Мне или Пушкину? Или тебе?

ПАСТЕРНАК. Мне повезло больше, чем Пушкину. Никто меня не застрелил.

СТАЛИН. Пока – нет. Это шутка, Борис. Такой я шутник. Мог быть цирковым клоуном. Люди думают, что у меня нет чувства юмора, но как человек без чувства юмора может править русскими?

ПАСТЕРНАК. И о чем вы писали стихи?

СТАЛИН. Кто знает? О розах. Луне. Отсечении головы. Стандартный набор. Теперь я снова и снова перечитываю твои стихи, знаешь ли.

ПАСТЕРНАК. Правда? Для мне это честь.

СТАЛИН. И перечитывая их, спрашиваю себя, да о чем он говорит? Он говорит о пиве или он говорит об океане⁴? И если он говорит об океане, почему пишет о пиве? Почему ты просто не говоришь о том, что имеешь в виду?

ПАСТЕРНАК. Откуда мне знать, что я имею в виду, не услышав, что я говорю?

СТАЛИН. Что?

² И этим гением поступка Так поглощен другой, поэт, Что тяжелеет, словно губка, Любою из его примет. Как в этой двухголосной фуге Он сам ни бесконечно мал, Он верит в знание друг о друге Предельно крайних двух начал.

³ Шел он от дома к дому, В двери чужие стучал. Под старый дубовый пандури Нехитрый мотив звучал. В напеве его и в песне. Как солнечный луч чиста, Жила великая правда – Божественная мечта. Сердца, превращенные в камень, Будил одинокий напев. Дремавший в потемках пламень Взметался выше дерев. Но люди, забывшие Бога, Хранящие в сердце тьму, Вместо вина отраву Налили в чашу ему. Сказали ему: «Будь проклят! Чашу испей до дна!.. И песня твоя чужда нам, И правда твоя не нужна!» (Перевод с грузинского).

⁴ ...В осатаненьи льющееся пиво С усов обрывов, мысов, скал и. Кос, Мелей и миль. И гул. и полыханье Окаченной луной, как из лохани, Пучины. Шум и чад и шторм в засос...

ПАСТЕРНАК. Я цитирую Йейтса. Великого ирландского поэта⁵.

СТАЛИН. Не следует тебе цитировать ирландских поэтов. Лучше цитировать кого-то такого, кто знает, что он имеет в виду.

ПАСТЕРНАК. Иногда лучший способ описать одно – описывать совсем другое.

СТАЛИН. Так ты невысокого мнения о социалистическом реализме, Борис?

ПАСТЕРНАК. У меня нет разногласий с социалистическим реализмом, за исключением того факта, что никакой он не социалистический и никакой не реализм, а большинство тех, кто пишет в этом жанре, дебилы. В остальном все прекрасно.

СТАЛИН. Ты очень интересный человек, Борис. Иногда ты хочешь доставить мне удовольствие, а иной раз из кожи лезешь вон, чтобы попасть в беду. Тебе одновременно нужно левое и правое, черное и белое. Вот почему таким, как ты, никогда нельзя доверять. Если человек одержим политикой, ему доверять можно, потому что ты знаешь – доверия он не заслуживает. Ты знаешь, чего он стоит, потому что не стоит он ничего. Он перестал думать и вступил в партию. С преступниками я работать могу. Политиков со временем приходится убивать. Поэты более интересны, но разве можно доверять поэту? Он признает, что он – лжец, самым выбором профессии. И при этом мои самые любимые люди – лжецы. Это парадокс, и я ненавижу парадоксы, но парадоксы не пристрелишь, пристрелить можно только людей, а это еще один парадокс. Ты не думал, что я такой глубокий мыслитель, Борис?

ПАСТЕРНАК. Подозрения у меня были.

СТАЛИН. И это мне в тебе нравится. Ты пытаешься меня понять. Большинство людей или лижут мне зад, или плюют в глаза и где-то спрячутся, а ты остаешься и пытаешься меня понять. Тебя тянет ко мне, как мотылька – к пламени свечи, как бобра – к дубу. Я ненавижу метафоры и при этом я – ходячая метафора. Мой псевдоним – от стали. Во мне стали много. Среди прочего. Так скажи мне, Борис, отставив в сторону все эти глупые метафоры, что мне делать с Мандельштамом?

⁵ Скорее всего, это чуть измененная цитата Э.М. Фостера (1879-1970), английского романиста: «How do I know what I think until I see what I say (Откуда мне знать, что я думаю, пока я не услышу, что говорю)»?

Картина 4. Король страны дождей

(Вновь никакой паузы. СТАЛИН остается за столом, пьет водку и наблюдает, как МАНДЕЛЬШТАМ приветствует ПАСТЕРНАКА из кухни и ведет к столу).

МАНДЕЛЬШТАМ. Борис! Ты пришел к нам в гости. Какой ты молодец. Пришел навесить нас, хотя мог бы забивать козла со своими давними приятелями по Союзу писателей.

ПАСТЕРНАК. Хотел поздравить с получением новой квартиры. Теперь, возможно, ты сможешь больше работать.

МАНДЕЛЬШТАМ. И что ты хочешь этим сказать? Какое отношение имеет квартира к объему моей работы? Ты думаешь, чтобы писать, мне требовалось получить от них квартиру? Так квартира мне не нужна. И стол мне не нужен. И ручка. Мне нужна лишь моя голова.

ПАСТЕРНАК. Но ты должен признать, это удобно, иметь теплую, уютную квартиру со всеми удобствами, плотную кремовую бумагу, чернила...

МАНДЕЛЬШТАМ. Поэзия – она только в голове.

НАДЕЖДА. Ты задел его за живое, Борис. Это странная особенность моего мужа. Он вроде бы застенчивый и неприметный, но стоит коснуться чего-то такого, что таится в глубинах его души, как он разом превращается во льва.

МАНДЕЛЬШТАМ. Я ничего не имею против квартир, столов, бумаги и чернил. Но не надо путать их с поэзией. Поэзию они у меня отнять не смогут.

ПАСТЕРНАК. Я завидую твоей свободе.

МАНДЕЛЬШТАМ. Моей свободе. В нынешние времена странно такое слышать.

ПАСТЕРНАК. А мне, думается, нужны не столько бумага и чернила, как, в каком-то смысле, противовес свободе.

НАДЕЖДА. Ты подразумеваешь Сталина? Это какая-то нелепость. Почему ты так одержим Сталиным?

ПАСТЕРНАК. Я не одержим Сталиным.

НАДЕЖДА. Ты прям как школьница. Только о нем говоришь и думаешь. Это отвратительно.

ПАСТЕРНАК. Я просто не могу ответить на вопрос: почему Сталину нравится мое творчество? Мандельштама не печатают, а у меня просматривают старые блокноты и тетрадки в надежде отыскать что-нибудь неопубликованное, и тут же тащат в типографию. Я этого не понимаю. Чем я ему приглянулся? Мне остается только гадать, читал ли он что-нибудь, мною написанное? А если читал, что понял? И знаете, что раздражает больше всего? Теперь, когда моя работа получила его высочайшее одобрение, я не могу писать. Словно гигантский черный паук поселился у меня в голове и перекрыл дорожку к тому месту, откуда выходят слова. Этого вполне достаточно, чтобы свести человека с ума.

МАНДЕЛЬШТАМ. Безумие может пойти на пользу твоему писательству.

НАДЕЖДА. И самоубийство. Самоубийство всегда увеличивает тиражи. Но мне больше нравится светлая сторона. Может, нам не придется накладывать на себя руки, потому что рано или поздно они придут, чтобы убить нас.

МАНДЕЛЬШТАМ. Надежда – неисправимая оптимистка. Она всегда находит возможность упомянуть самоубийство в наших разговорах, чтобы я наконец-то понял намек. Самоубийством она одержима точно так же, как ты – Сталиным.

НАДЕЖДА. Я думаю, это оружие, которым можно будет воспользоваться, если ничто другое не поможет, чтобы лишиться их удовольствия убить нас. Я бы предпочла умереть вместе, а не по одиночке. А ты – нет?

МАНДЕЛЬШТАМ. Если на то пошло, я бы предпочел перенестись сейчас во Францию.

НАДЕЖДА. У тебя был шанс уехать во Францию, но ты по своей глупости предпочел остаться. И теперь посмотри на нас. Сидим здесь, пьем чай и планируем свое самоубийство.

МАНДЕЛЬШТАМ. Если мы покончим с собой, это может напугать их до такой степени, что они начнут лучше относиться к некоторым писателям. Я не готов брать на себя такую ответственность.

ПАСТЕРНАК. Может, прекратите? Я не хочу сидеть и слушать, как вы спокойно обсуждаете собственные самоубийства.

МАНДЕЛЬШТАМ. Думаю, Борису обидно, что его не хотят брать в компанию.

НАДЕЖДА. Так мы можем уйти и втроем. Борис – первый.

ПАСТЕРНАК. Шутить тут не о чем.

МАНДЕЛЬШТАМ. Поэтому мы и шутим об этом.

ПАСТЕРНАК. Но вы не шутите.

НАДЕЖДА. Я – нет. Насчет Мандельштама не знаю. Ты шутишь, Осип?

МАНДЕЛЬШТАМ. Не знаю. Почему бы нам не позвонить Сталину и не спросить, шучу ли я? Товарищ Сталин знает все. Но прелесть в том, что нам не обязательно звонить Сталину, чтобы пообщаться с ним. Достаточно ясно и отчетливо говорить в цветочный горшок. Уши товарища Сталина даже больше, чем его усы.

ПАСТЕРНАК (*ему не по себе от такого поворота разговора*). Господи! Посмотрите, который час. Мне давно пора уходить.

МАНДЕЛЬШТАМ. Да, Борис. Мы знаем, что ты хочешь купить веревку и повеситься. А может, тебе будет достаточно прочитать последнюю «Антологию советской поэзии», чтобы уморить себя скукой.

НАДЕЖДА. Нет, Осип. Мы категорически против пытки.

ПАСТЕРНАК. Я действительно думаю, что такие разговоры... контрпродуктивны.

НАДЕЖДА. Да, конечно, ты лучше знаешь, о чем мы должны говорить. В конце концов, это ты пишешь стихи, в которых называешь Сталина гением.

МАНДЕЛЬШТАМ. Надя...

НАДЕЖДА. И не начинай извиняться за него. Ты не пишешь стихи о Сталине. Как он может это делать? Как это может делать человек с каплей самоуважения?

ПАСТЕРНАК. В этих стихотворениях есть ирония. Осип мог бы делать то же самое, не компрометируя себя. Но он не делает. Продолжает проявлять неповиновение. Это безумие.

МАНДЕЛЬШТАМ. Какое неповиновение? Я просто не хочу писать мусор.

ПАСТЕРНАК. Так ты считаешь, что я пишу мусор?

МАНДЕЛЬШТАМ. Если бы я попытался писать стихи, восхваляющие Сталина, в результате получился бы мусор. Иронический мусор все равно остается мусором. Ты – другой поэт и другая личность. Ты можешь одновременно шагать с двух сторон забора и в этом преуспеваешь. А я совершенно на такое не способен.

ПАСТЕРНАК. Как ты можешь знать, не попытавшись?

МАНДЕЛЬШТАМ. А чего пытаться? Тратить время, производя дерьмо для дебилов? Жизнь слишком коротка.

ПАСТЕРНАК. Твоя жизнь станет еще короче, если ты и дальше будешь оскорблять Сталина.

МАНДЕЛЬШТАМ. Я никого не оскорбляю.

ПАСТЕРНАК. Ты его не хвалишь. Это уже оскорбление. Так ли тебе трудно написать маленькое стихотворение о Сталине? Чуть похвали его, скажи о нем что-нибудь хорошее.

МАНДЕЛЬШТАМ. Что хорошего можно сказать о маниакальном убийце?

(Пауза. ПАСТЕРНАК и НАДЕЖДА нервно оглядываются, понимая, что разговор совершенно вышел из-под контроля).

ПАСТЕРНАК. Думаю, скоро пойдет дождь.

НАДЕЖДА. Как, по-твоему, Осип, пойдет дождь?

МАНДЕЛЬШТАМ. Да, давайте сменим тему. Не дай нам Бог сказать что-то правдивое, когда кто-то может нас услышать. И кто-то всегда слушает. Заходя в комнату, я обязательно здороваюсь с вешалкой для шляп и подставкой для зонтов, потому что знаю: они меня слушают. Я веду долгие разговоры с унитазом, потому что прекрасно понимаю: это то самое место, где эти люди чувствуют себя наиболее комфортно, плавая в компании прочего говна. Всем привет! Привет, глупые говняшки! Я надеюсь, сегодня слышимость отличная. Если вы передадите ему все, что я сказал, возможно, товарищ Сталин подарит вам на день рождения пару новых яиц.

НАДЕЖДА (*теперь серьезно встревоженная*). Думаю, ты прав, Борис. Определенно пойдет дождь.

ПАСТЕРНАК. Пахнет дождем. Так что мне точно пора.

МАНДЕЛЬШТАМ. Да, Борис. Почему бы тебе не спрятаться от него в своем уютном кабинете с красивым столом? Возьми лист плотной кремовой бумаги, обмакни перо в чернильницу и отличными черными чернилами напиши очередное стихотворение о гении Сталина.

ПАСТЕРНАК. До свидания. Хорошего вам дня.

МАНДЕЛЬШТАМ. День у меня и так прекрасный. Главное, не забудь поблагодарить товарища Сталина за дождь!

Картина 5. Определение истории

(ПАСТЕРНАК проходит мимо стола, чтобы сесть на парковую скамью у авансцены слева. СТАЛИН встает из-за стола, идет к сцене, пока говорит, останавливается за спиной ПАСТЕРНАКА, когда они говорят. ПАСТЕРНАК кормит голубей крошками из бумажного кулька. Слышно курлыкание голубей).

СТАЛИН. Да, я тоже люблю кормить голубей. Нагуляв вес, они очень хороши, если поджарить их в масле. Тебя что-то тревожит, Борис?

ПАСТЕРНАК. Почему вы арестовываете других писателей, а мне дали дом в Переделкино?

СТАЛИН. Тебе не нравится твой дом в Переделкино?

ПАСТЕРНАК. Мне нравится мой дом в Переделкино, но я не понимаю, почему я могу жить там, тогда как многие другие отправлены в ссылку... или того хуже.

СТАЛИН. Может, я хотел оставить одного хорошего писателя в живых, чтобы все эти подхалимы из Союза писателей озверели от зависти. А может, мне нравится смотреть, как тебя мучают угрызения совести. Вы, писатели, должны меня благодарить, знаешь ли. Я оказал вам большую услугу. Теперь вы знаете, каково это, выбирать между писательством и жизнью. Не Толстой научил вас, что писательство – это жизнь и смерть и все, что между ними. Я научил. Но услышал хоть слово благодарности? Только от людей, которые говорят совсем не то, что думают. Когда я учился в семинарии, нам не разрешали читать литературу, пагубную для души, вроде Толстого, поэтому книги я приносил тайком. Но священники залезали в мой сундук, забирали книги, а потом бросали их в костер. Так что именно церковь научила меня всему, что я знаю о свободе выражения мнений.

ПАСТЕРНАК. Вы можете делать все, что пожелаете. Мои мысли значения не имеют. Так почему вы позвали меня?

СТАЛИН. Потому что ты – мой друг, Борис. Ты – мой друг, правильно?

ПАСТЕРНАК. На этот вопрос ответить трудно.

СТАЛИН. Видишь? Поэтому я тебя и люблю. Я спрашиваю, ты – мой друг, и ты выдерживаешь паузу перед ответом. Ты всегда выдерживаешь паузу, прежде чем поцеловать мне зад. Чувство такта у тебя отменное, Борис.

ПАСТЕРНАК. Если я ваш друг, сможете вы кое-что сделать для меня? Оставьте Мандельштама в покое.

СТАЛИН. Ты хочешь, чтобы я оставил в покое человека, который думает, что мои пальцы – как черви, а усы тараканьи? Так ты оцениваешь нашу дружбу? Потому что платить приходится за все, Борис. И Мандельштам почувствует себя обойденным моим вниманием, если я оставлю его в покое. И о чем он тогда будет писать? Признай это, Борис. Вы мне нужны. Я даю вам ясность. Я даю вам определенность. Вы обозначаете себя, говоря, я – не ОН. Я не товарищ Сталин. Вот кто я. Не Сталин. Думаешь, кто-нибудь обратил бы внимание на тебя или Мандельштама, если бы не я? Знаешь, Борис, иногда поздней ночью, когда холодно и тихо, а мне не спится, я встаю и съедаю несколько пастернаков. С солью они на вкус очень даже ничего. Стою у окна, смотрю на костры, которые горят на перекрестках дорог, и думаю об истории. Ты когда-нибудь думаешь об истории, Борис?

ПАСТЕРНАК. Я думаю, история – это то самое, что мы рассказываем себе, чтобы не думать о собственной смерти.

СТАЛИН. Нет. История – это дерьмо.

ПАСТЕРНАК. Некоторые – несомненно.

СТАЛИН (*берет у ПАСТЕРНАКА кулек крошками и кормит голубей*). Голуби невероятно глупы. Они стаями садились на мою статую, обгаживали голову, поэтому мы подвели к статуе ток, и теперь моя голова свободна от голубиного помета, но вокруг кучи дохлых голубей. Мы держим там человека, чтобы сметать их. И работы у него – не продохнуть. Посмотри на этого толстяка. До чего же он жаден. Ничего хорошего их не ждет. Голуби никогда не поймут нас. Они только и могут, что есть, срать, трахаться, откладывать яйца и умирать. Вот это, друг мой, и есть история.

ПАСТЕРНАК. Я знаю, что в сердце Мандельштам никакой не политик. Возможно, он кажется вам какой-то угрозой, но глубоко внутри он настроен жить с вами в мире.

СТАЛИН. Тогда как ты, с другой стороны...

ПАСТЕРНАК. Я? Что насчет меня?

СТАЛИН. Мандельштам кажется угрозой, но, возможно, таковой не является. Ты кажешься мне другом, но кто знает? Зернышко вражды всегда таится внутри, так, Борис? Если, конечно, кто-то не возьмет нож и не вырежет его.

(*Пауза. Курльканье голубей*).

Картина 6. Тараканы и черви

(ПАСТЕРНАК поднимается, когда МАНДЕЛЬШТАМ бежит к нему по улице. СТАЛИН остается на скамье, кормит голубей).

МАНДЕЛЬШТАМ *(запыхавшийся, тяжело дышит)*. Борис, я два квартала бегу за тобой, выкрикивая твое имя. Поэты не созданы для бега. За исключением тех случаев, когда приходится убегать. В этом мы мастера. Ты идешь такими большими шагами.

ПАСТЕРНАК. Извини. Я тебя не слышал. В последнее время весь в мыслях. Нельзя тебе так бегать, Осип. У тебя слабое сердце.

МАНДЕЛЬШТАМ. Не нужно мне сердце. Это Россия. Мы расстреливаем всех, у кого есть сердце. Я хочу, чтобы ты это послушал. Я внял твоему совету.

ПАСТЕРНАК. Какому совету? Я не даю советов.

МАНДЕЛЬШТАМ. Ты сказал мне, что я должен написать стихотворение про товарища Сталина. Меня посетило вдохновение. И я написал. Стихотворение о Сталине. Хочешь послушать?

ПАСТЕРНАК. Даже не знаю, Осип. На самом деле я...

МАНДЕЛЬШТАМ. Нет, нет, ты должен послушать. Я так горжусь этим стихотворением. Я должен его кому-нибудь прочесть, прежде чем оно вылетит у меня из головы. Слушай.

ПАСТЕРНАК *(нервно оглядывается на Сталина)*. Только не надо выкрикивать его на улице, хорошо. Шепни на ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.